

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 4-го Сентября 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10388.

ГОРЕ ПОБЪДЕННЫМЪ.

(Изъ лѣтнихъ миниатюръ).

Въ одинъ изъ прекрасныхъ лѣтнихъ дней на дачный балконъ Маргариты Петровны входитъ Маріанна Сергѣевна. Маріанна Сергѣевна—особа тощая, сухова тая, съ носомъ, длиннымъ, какъ сама бесконечность, съ глазками, напоминающими лвухъ бойкихъ мышей, но безъ свойственной этимъ маленькимъ звѣркамъ граціозности, съ косичками жидкихъ волосъ на затылкѣ, похожими на крысиные хвосты. Кожа Маріанны Сергѣевны суха, какъ пергаментъ; въ самый страшный жаръ на ней не выступаетъ ни капли пота, и, кажется, если прорвешь по кожѣ Маріанны Сергѣевны, кожа зашелеститъ, какъ высокшая кожа змѣи, какъ опавшій съ деревьевъ осенний листъ.

Одѣвается Маріанна Сергѣевна нѣсколько курьезно; юбка ея всегда коротка и не скрываетъ большихъ ногъ, обутыхъ въ башмаки, смахивающіе на лыжи; на плечахъ Маріанны Сергѣевны виситъ, какъ на вѣшалкѣ, забавная куцая кофточка, а голову украшаетъ шляпка съ перьями, имѣющими такой видъ, какъ будто ихъ только что энергично и основательно потрепала отъѣвшаяся купеческая кошка или даже сибирский котъ.

На лѣвой рукѣ Маріанна Сергѣевна неизмѣнно носить обѣмистый ридикюль, а въ головѣ хранить такой запасъ сплетенъ, что ихъ хватитъ даже на два обѣмистыхъ ридикюля. Благодаря этому, Маріанна Сергѣевна—желанная гостья на большинствѣ дачъ. Скучающія дачницы принимаютъ дачную сплетницу очень охотно, хоочутъ надѣя разсказами, носящими комической оттѣнокъ, всплескиваютъ руками надѣтѣми, которые пахнутъ трагедіей, и въ простотѣ души думаютъ, что, почему-то, Маріанна Сергѣевна, сплетничая про всѣхъ и вся, ихъ-то и пощадить, о нихъ не создастъ ни одной легенды и не окраситъ въ грязный оттѣнокъ ни одну изъ ихъ маленькихъ удачъ или неудачъ.

Входя на дачный балконъ, Маріанна Сергѣевна неизмѣнно дѣлаетъ радостное лицо и говоритъ:

— Слышиали?

Хозяйка дачи смотритъ на Маріанну Сергѣевну съ любопытствомъ.

— Что такое?—спрашиваетъ она.

— Слышиали о трагедіи у Ящерицыныхъ?

— Нѣть, не слыхала.

— Помилуйте, къ вечеру вся дачная мѣстность вся наша „Глу-

хая Трясины“ заговоритъ, а я поспѣшила, чтобы вамъ, дорогая моя, разказать первой. Хвостъ въ зубы, ридикюль на руку и лечу, какъ аэропланъ. Серафима Львовна Гущина съ террасы кричить: „Маріанна Сергѣевна! Куда мчитесь вы? На пожаръ?“—Нѣть, говорю.—„Зайдите ко мнѣ; у васъ на лицѣ написано что-то необыкновенное; я вижу, вамъ есть что разказать. Что случилось?“—Ничего, говорю, не случилось. А спѣшу я кое-куда по своимъ личнымъ дѣламъ. „Охъ, скрываete вы что-то, Маріанна Сергѣевна!“—Право, не скрываю ничего... Простилась—и дальше. Мчусь мимо дачи Кузьминскихъ, а Софья Яковлевна у воротъ. Вѣрите, дорогая моя, чуть-чуть за полу мѣня не схватила; насилиу—насилия отъ нея вырвалась, стреканула мимо и прямо къ вамъ.

Дачница радостнѣ улыбается и говоритъ нѣжно:

— О, какая вы милая, Маріанна Сергѣевна. Ну, я слушаю: что же случилось у Ящерицыныхъ?

Маріанна Сергѣевна садится и разказываетъ, что случилось у Ящерицыныхъ или у грека Маврокордато, который живетъ черезъ двѣ дачи отъ Ящерицыныхъ, или у Бориса Леонтьевича, измѣняющаго женѣ не менѣ четырехъ разъ въ мѣсяцъ, или еще у кого-нибудь. Дачница слушаетъ, смытая или дѣлаетъ трагическѣ гла-за, а въ общемъ довольна и счастлива. Маріанна Сергѣевна тоже довольна и счастлива: ей первой удалось посвятить милую дачницу въ свѣжую сплетню, въ липкую дачную грязь, на половину сработанную ея собственными мозгами. Не все ли равно? Липкая грязь не становится отъ этого менѣе сенсационной. Закончивъ разсказъ, Маріанна Сергѣевна пьетъ и ъѣсть, а попивъ и поѣвъ въ волю, снимается съ якоря и отправляется въ дальнѣйшее плаваніе по дачному морю съ грузомъ сплетенъ и слѣдующей дачницѣ разсказываетъ, что ее первую она посвящаетъ въ тайны „Глухой Трясины“.

Такъ идетъ одинъ дачный день за другимъ дачнымъ днемъ, и Маріанна Сергѣевна довольна и счастлива. Но вдругъ... все лѣтить къ чорту!

Вондя на дачный балконъ Маргариты Петровны, Маріанна Сергѣевна по обычаю дѣлаетъ радостное лицо и спрашиваетъ:

— Слышиали?

Хозяйка смотритъ на Маріанну Сергѣевну съ любопытствомъ.

— О чёмъ?—спрашиваетъ она.

— О Порошинѣ. Слышили, какъ Порошинъ безъ пальто и шляпы въ садикѣ пройтись вышелъ, изъ садика же на извозчика сѣлъ,

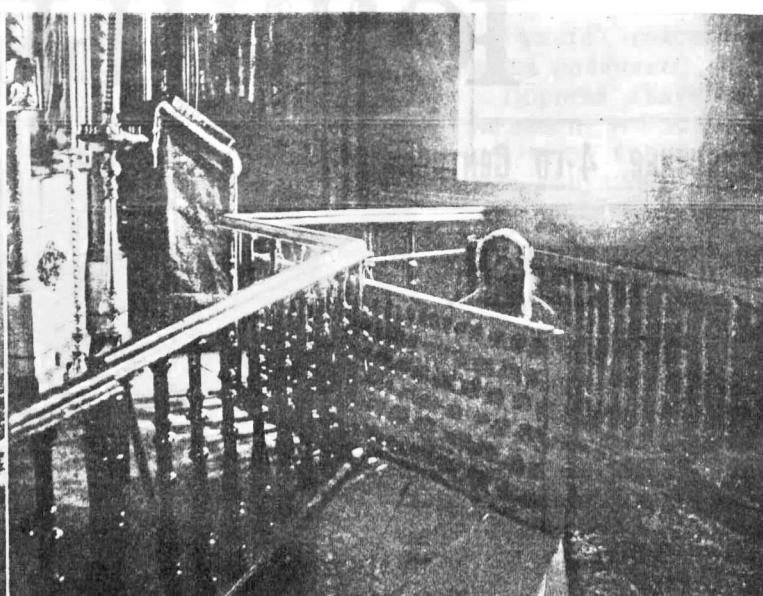
Святитель Ioасафъ,

прославленіе мощей котораго начинается 4 сентября.

Входъ въ монастырь.

(Святые ворота).

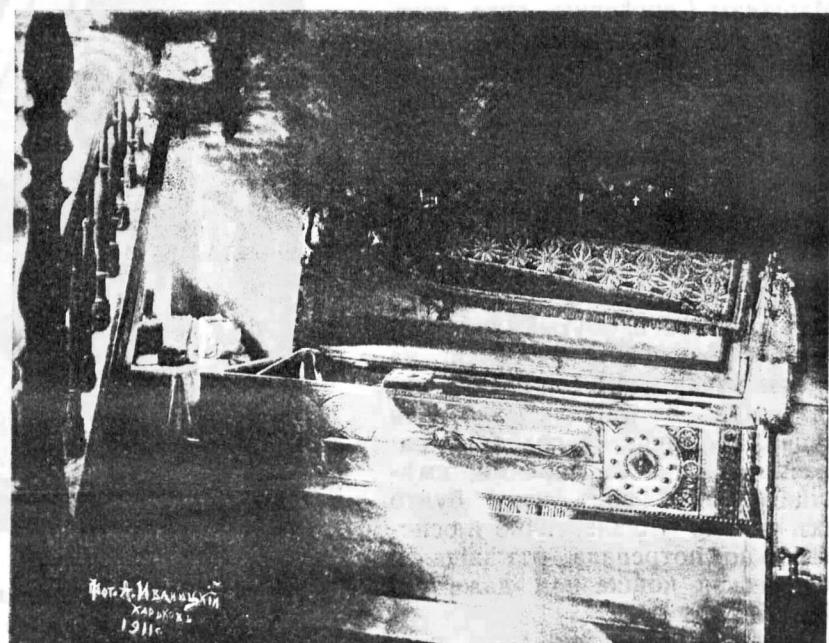
Соборъ.

Входъ въ пещеру, гдѣ почивали мости святителя Иоасафа.

Покои святителя Иоасафа.

Фот. Иваницкаго.

Склепъ святителя Иоасафа.

Фот. Иваницкаго.

удраль и три ночи не ночевалъ дома?

— О, это? Слышала,— равнодушнымъ тономъ говоритъ Маргарита Петровна.

Маріанна Сергѣевна блѣднѣеть, потомъ багровѣеть, какъ будто ее хотеть хватить ударъ, потомъ опять блѣднѣеть. На нее жалко глядѣть. Если бы надъ ея головой грянулъ громъ изъ голубого неба, она бы не была болѣе испугана и изумлена. Маріанна Сергѣевна падаетъ въ кресло и тихимъ голосомъ просить:

— Водицы бы мнѣ. Водицы стаканчикъ, дорогая!

Хлебнувъ изъ стакана, она смотритъ на Маргариту Петровну и спрашиваетъ:

— Отъ кого же вы слышали?

— Насчетъ Порошина? Илья Антоновичъ заходилъ и говорилъ.

— Господи Боже! Какой это Илья Антоновичъ?

— Развѣ вы не знаете Илью Анто-

Закладка столовой для паломниковъ

въ присутствіи г. курскаго губернатора и вице-губернатора.

Фот. Иваницкаго.

новича Туберозова? Это дядя Извольцева, который пріѣхалъ къ племяннику погостить.

— Боже мой! Ни о какомъ Ильѣ Антоновичѣ Туберозовѣ не слыхала.

— Помилуйте, онъ на дачѣ у Извольцева третій день живетъ. Преза-

бавный старишка. Маріанна Сергѣевна, вы все знаете, какъ же можно не знать, что къ Извольцеву дядя пріѣхалъ? Стыдитесь.

Маріанна Сергѣевна конфузится.

— Послѣдніе дни я не совсѣмъ здорова была,— говоритъ она, прощается и въ раздумыи идетъ дальше, къ Анохинамъ.

У Анохинахъ она спрашиваетъ: „слышали?“ такимъ робкимъ и дряннымъ тономъ, какъ будто заранѣе предчувствуетъ отвѣтъ. Прежней самоувѣренности въ ея голосѣ нѣтъ и слѣда.

— О чёмъ?—поднимаетъ глаза на Маріанну Сергеевну Анохина.

— О Порошинѣ.

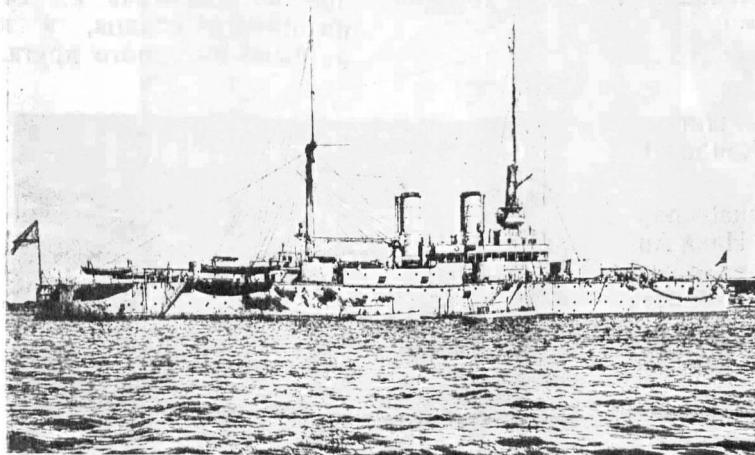
— Это какъ онъ изъ дачнаго садика сбѣжалъ да три дня дома не ночевалъ? Слышала.

— Отъ кого? — Илья Антоновичъ заходилъ.

И. Ф. Бостремъ.

Вице-адмиралъ, начальникъ дѣйствующаго черноморскаго флота.

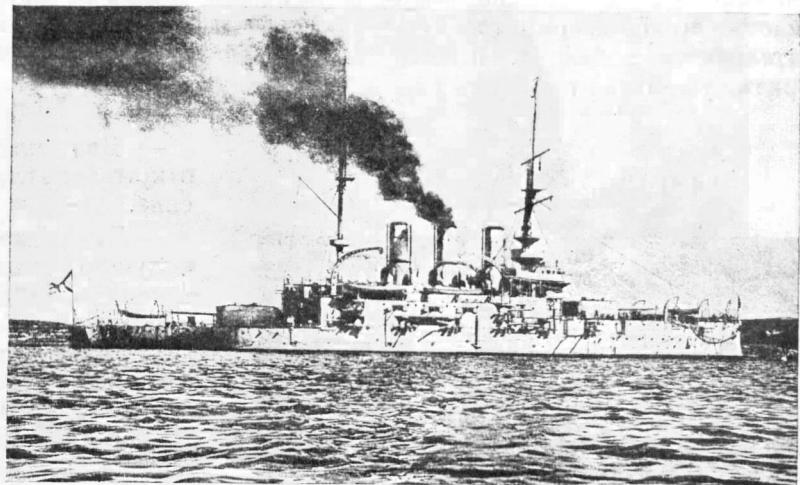

Броненосецъ „Ростиславъ“.

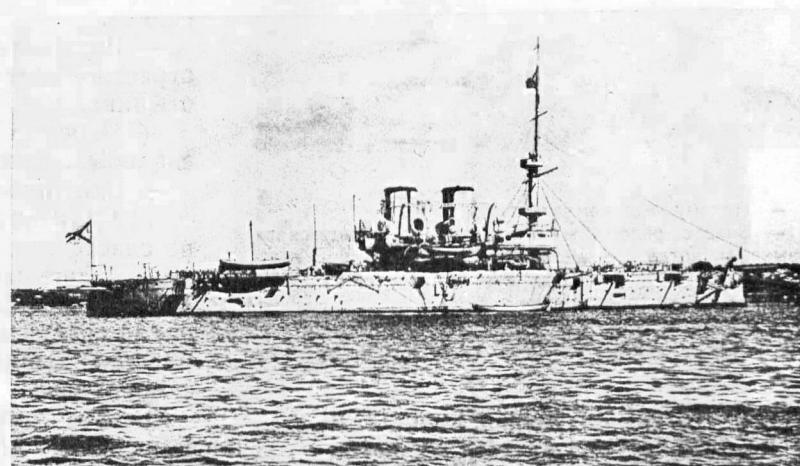
В. С. Сарновский.

Вице-адмиралъ, главный командиръ и временный генералъ-губернаторъ Севастополя.

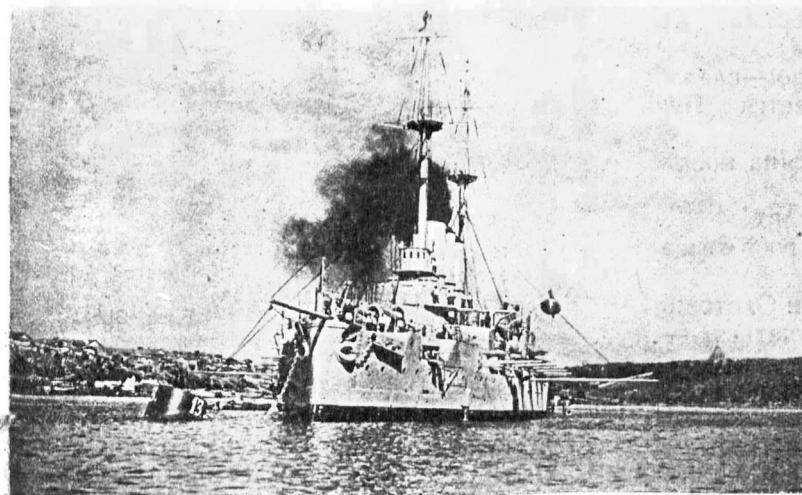
Броненосецъ „Пантелеимонъ“.

Бывшій „Потемкинъ Таврическій“.

Броненосецъ „Іоаннъ Златоустъ“.

Броненосецъ „Синопъ“.

— Туберозовъ?
— Да, Туберозовъ.
— Опять онъ! Маріанна Сергеевна чувствуетъ, какъ въ ея сердцѣ загорается непримиримая ненависть къ Илью Антоновичу. Зачѣмъ онъ явился въ „Глухую Трясину“? Зачѣмъ онъ нахально забрался въ ея владѣнія, гдѣ три-четыре дня назадъ она властвовала нераздѣльно? Мало развѣ около города другихъ дачныхъ мѣстъ? Какой недобрый вѣтеръ занесъ его въ „Глухую Трясину“? Гдѣ же справедливость судьбы?

концовъ она рѣшаетъ не сдаваться безъ боя. Она рѣшаетъ дать Илью Антоновичу генеральное сраженіе и побѣдить или умереть. Ненависть кипитъ въ ея сердцѣ, ненависть къ человѣку, котораго она не видывала никогда и котораго совсѣмъ не знаетъ: О, если бы можно было безъ страха предъ правосудіемъ утопить Илью Антоновича въ зеленомъ пруду „Глухой Трясины“? О, если бы можно было, безъ боязни отвѣтственности, подсыпать въ кушанье Ильи Антоновича ядъ? Маріанна Сергеевна выходитъ изъ

дому, идетъ къ дачѣ Извольцева, выслѣживаетъ Илью Антоновича, который послѣ завтрака отправляется разносить по дачнымъ террасамъ дачныя сплетни, и, давъ ему четверть часа посидѣть у Пустыниныхъ и выложить „запасъ“, съ побѣднымъ видомъ входитъ на террасу Зои Кондратьевны — такъ зовутъ Пустынину.

— Слышили, дорогая моя? — спрашиваетъ она.

— Что? Насчетъ того, что Огаревъ нынѣшней ночью стрѣлялся послѣ ссоры съ женой изъ-за бонны, но, къ

счастью, револьверъ былъ не заряженъ? Слышала. Илья Антоновичъ мнѣ разсказаъ. Вы не знакомы? Илья Антоновичъ Туберозовъ.

— Вовсе нѣтъ!—пожимаетъ плечами Маріанна Сергеевна.—Новость на счетъ Огарева извѣстна всѣмъ. Говорить о ней—значитъ перетряхивать старье. Я про другое спрашиваю. Совсѣмъ про другое. Слышали, что къ Погорѣльскому младенцу подбросили? Нынче въ 9 часовъ утра. Человѣкъ три мѣсяца женатъ и—вдругъ младенца?

— Но, можетъ быть, это случайность?

— О, нѣтъ, записка оставлена... со всѣми подробностями. Дѣло имѣетъ романтическую подкладку, дорогая моя.

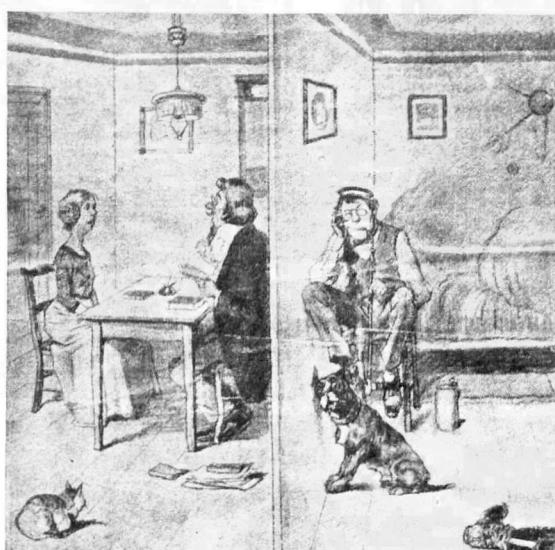
— Скажите?!

Илья Антоновичъ медленно поднимается съ кресла, щелкаетъ по табакеркѣ съ нюхательнымъ табакомъ и говоритъ, чуть-чуть улыбаясь:

Луи Дюссо.

Портретъ французского ученаго Дюссо, открывшаго новые лучи, дѣлающіе видимыи насквозь непрозрачныи тѣла. Луи Дюссо отличаются отъ лучей Рентгена тѣмъ, что при ихъ посредствѣ въ живомъ тѣлѣ можно видѣть не только кости, но и мягкая части, и видѣть ихъ не въ видѣ темныхъ тѣней, но въ натуральной окраскѣ. Такъ, кости выглядятъ бѣлыми, мясо—краснымъ, кровь—синеватой. Аппаратъ Дюссо отличается необыкновенной простотой и напоминаетъ собой бинокль. На нашемъ рисункѣ справа изображенъ Дюссо, изучающій строеніе собственной кисти; слѣва—онъ устанавливаетъ свой аппаратъ для освѣщенія внутренностей лабораторныхъ животныхъ.

— Почему эта комната такъ дорога?
— Знаете, рядомъ живеть учитель французскаго языка, и, когда онъ даетъ урокъ, здѣсь слышно каждое слово. Многіе благодаря этому выучились здѣсь по-французски совершенно даромъ.

(„Flieg. Bl.“).

— Да, это самая свѣжая новость. Я еще не успѣлъ разсказать ее вамъ, Зоя Кондратьевна, а самъ во всѣхъ подробностяхъ знаю. Почтенная Маріанна Сергеевна передала ее не совсѣмъ такъ.

— Да?!—ядовито спрашиваетъ Маріанна Сергеевна.

— На самомъ дѣлѣ это происходило иначе. Подкинутъ былъ вовсе не младенецъ, какъ вы изволите говорить...

— А кто же?

Илья Антоновичъ медленно достаетъ понюшку табаку, медленно нюхаетъ и объясняетъ спокойно:

— Два младенца.

— Какъ?!—вскрикиваетъ Маріанна Сергеевна.

какъ будто каждый шагъ приближаетъ ее къ близкой смерти. Въ пролетѣ сидитъ старая дѣва съ кожей, похожей на пергаментъ. Въ лѣвой руцѣ дѣвы ридикюль, а въ правой—моська. Въ ногахъ—немногочисленные и тощіе узлы.

Это Маріанна Сергеевна покидаетъ „Глухую Трясину и перебирается въ иную дающую мѣстность.

Въ душѣ ея печаль и тоска. Она превосходно знаетъ что ни одна дачница не по жалѣеть обѣя отъѣздѣ, и быть можетъ, ни одна дачница не помянетъ ее добрымъ словомъ. Шутиха, выдумщица, вѣстовщица, она была нужна, или, по меньшей мѣрѣ, ее терпѣли, пока не явился новый, болѣе юркій болѣе искусный шутъ и вѣстовщикъ. За все время подслуживаясь и потѣшая она не привлекла къ себѣ ни одного сердца, у нее не было ни одного друга,

— Два младенца?!—широко открываетъ глаза Зоя Кондратьевна.

— Да-съ, два младенца!—равнодушно объясняетъ Илья Антоновичъ.—Одного младенца подкинули къ окну кабинета Погорѣльскаго, а другого... другого, хе-хе-хе... къ окну будуара самой мадамъ!

— Богъ знаетъ, что такое! Это невозможно!

— Очень возможно. Говорить, что онъ у нея на воспитаніе отданъ былъ, она не внесла въ срокъ деньги, ну, его... хе-хе-хе... и водворили къ маман.

— Вотъ интересно!—сладострастно зажмуривается Пустынина.

— Черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы.. хе-хе-хе...

— Это прямо романъ!

Маріанна Сергеевна не сдается.

— А еще слышали: Охотскій хочетъ авіаціи обучаться?—спрашиваетъ она.—При его комплекції?! Въ немъ вѣрныхъ восемь пудовъ.

— Хочетъ обучаться?—пожимаетъ плечами Илья Антоновичъ.—Экъ вы хватилися. Онъ уже купилъ себѣ аэропланъ. Завтра ангаръ для него начнутъ строить, а черезъ недѣлю и аппаратъ привезутъ.

Маріанна Сергеевна чувствуетъ, что она побѣждена. Нѣтъ, у нея не хватить силъ бороться съ Ильею Антоновичемъ Туберозовымъ. Она встаетъ, блѣдная, съ трясущимися губами, шатаясь добирается до выхода и, пользуясь тѣмъ, что на нее не обращаютъ вниманія, тихонько сходитъ со ступеней и ускользаетъ на дачную улицу.

На слѣдующее утро восходящее солнце видитъ дряннаго извозчика, кляча которого двигается такъ медленно,

— Дайте на копѣйку ломоть хлѣба.

— Какого тебѣ хлѣба, бѣлаго или чернаго?

— Все равно: это нужно для слѣпого.

(„Flieg. Bl.“).

даже память о ней въ „Глухой Трясинѣ“ теперь поростетъ быльемъ. И слезы тоски, гнѣва, безсильной ярости текутъ по жесткимъ щекамъ старой дѣвы.

А пролетка дребезжитъ на мосткахъ и камняхъ, и ржавые гвозди ея поютъ:

— Горе побѣжденнымъ!

И Маріанна Сергеевна съ горечью думаетъ, что когда-то она была не такая.

Но когда это было? Когда?

И она ли одна виновата, что стала такой?

А. Грузинский.

